

28. Новое в археологии Киева / Редкол.: П. П. Толочко [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1981. – 455 с.

29. Медведев, А. Ф. Древнерусские писала X–XV вв. / А. Ф. Медведев // Советская археология. – 1960. – № 2. – С. 63–88.

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

И. И. Янушевич

БГУ, г. Минск

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР (1939–1941 ГГ.)

В статье рассматривается вопрос организации антирелигиозной работы партийных и государственных структур в западных областях БССР. Установлено, что состоявшееся осенью 1939 г. воссоединение народов Беларуси и Украины значительно осложнило работу в данном направлении. Определено, что и на советской территории вопрос массового распространения атеизма решен не был. Методический и организационный потенциал властей не позволил в короткие сроки в данном регионе добиться особых успехов. Партийные организации не смогли наладить системную атеистическую работу.

Пришедшая к власти в Российской империи новая политическая сила в своих программных документах провозгласила борьбу с религией и церковью одним из приоритетов своей идеологической деятельности. Внешне это должно было выглядеть как обеспечение прав на свободу совести и создание условий для гармоничного развития личности и демократического общества. Диктатура пролетариата провозглашалась гарантией низвержения пережитков прошлого. В революционном запале к пережиткам большевики отнесли государственные, духовно-нравственные и культурные традиции народов, проживавших на территории Российской империи. Для перековки населения на советский лад, в том числе, необходимо было в срочном порядке навязать гражданам новое материалистическое мировоззрение. По отношению к религиозным организациям это в первую очередь должно было сводиться к ограничениям по выполнению своих основных функций по удовлетворению религиозных потребностей верующих. В частности, это

касалось разрыва связи поколений. Наиболее перспективными в плане подвижности мировоззренческой позиции, безусловно, были молодые люди. Опека, надзор, материнская и отеческая любовь и забота о своем чаде стимулировали юношей и девушек к сохранению традиций, а значит и к исполнению обрядов и ритуалов своих культов, сохранению веры в Бога. Для преодоления данного препятствия необходимо было реализовать комплекс мероприятий для отрыва молодого человека от семьи в духовном и идеологическом плане. Партийным, государственным и общественным работникам, направленным на антирелигиозный фронт, предстояло выстроить соответствующую системы.

К 20-й годовщине советской власти деятельность партийно-государственных структур и Союза воинствующих безбожников (СВБ) по распространению безбожия находилась в состоянии практически полного развала и в БССР, и в СССР в целом. Антирелигиозная работа не была подкреплена человеческими и материальными ресурсами. Отвечавшие за данное направление деятельности работники не придерживались какого-то продуманного плана по борьбе с религией и религиозной деятельностью. На местах концентрировали свое внимание на производственно-экономических вопросах. Повсеместная частая сменяемость работников всех уровней нарушала системность и преемственность. Начавшаяся в 1937 г. кампания по систематизации антирелигиозной деятельности столкнулась с рядом объективных и субъективных негативных факторов. Существенной проблемой в антирелигиозной борьбе являлась неудовлетворительная работа созданного в 1925 г. СВБ. Эта общественная организация должна была объединить вокруг себя все антирелигиозные силы страны и стать под руководством партии координационным центром распространения атеизма. Однако сторонников воинствующего безбожия было немного. Необходим был жесткий административный нажим для пополнения рядов СВБ. Организация фактически существовала для показухи. Ослабление административного давления привело к фактическому её развалу. В постановлении бюро ЦК КП(б)Б «О работе Союза Воинственных безбожников» от 03.04.1937 г. о работе Центрального совета (ЦС) СВБ БССР отмечалось: «ЦС СВБ не является действительным центром руководства антирелигиозной работы» [1, л. 92]. Как таковым центром он и не мог стать в сложившихся условиях: «Центральный совет СВБ Белоруссии избирался в 1929 г. и кооптировался в 1930–1931 гг. на пленумах был в составе 37 чел. Выведено из состава пленума 26 чел., из них исключены из партии 16 чел... Из оставшихся 11 человек активное участие принимают 2–3 человека. Платный аппарат ЦС СВБ состоит из ответственного секретаря т. Шошина и одного инструктора. В течение

8 лет Центральный совет СВБ не отчитывался перед избирателями и никем не контролировалась его работа. По Белоруссии организация СВБ составляет 30–35 тыс. членов, но точного учета никем не ведется», – отмечалось в информации секретарям ЦК КП(б)Б [2, л. 35–36]. Подтверждение такой оценки находим и у стороннего проверяющего. 19 августа 1937 г. сотрудником ЦС СВБ СССР А. Березкиным была проинспектирована Витебская область. В докладной записке он дал характеристику ситуации в республике: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ было введено ряд ныне разоблаченных лиц, как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала» [3, л. 6].

С таким багажом «достижений» по распространению материалистического мировоззрения Союз воинствующих безбожников, компартия и комсомол подошли к осени 1939 г., когда территория СССР увеличилась за счет Западной Украины, Западной Беларуси, а в 1940 г. – за счет Прибалтики, Северной Буковины и Бессарабии. Население данных регионов воспринимало нормальную церковную жизнь как неотъемлемое право современного человека.

Польское правительство в межвоенный период не смогло сформировать условия для нормального развития восточных территорий. Натерпевшееся от режима унижений и жестокой эксплуатации население с радостью встретило Красную Армию как освободителей. В мае 1926 г. Ю. Пилсудский под лозунгом «санации» осуществил военный захват власти в Польше. Была разгромлена Белорусская крестьянско-рабочая громада. 800 ее членов было осуждено. С середины 1930-х гг. впервые в истории в православных храмах молебны начали проводиться на польском языке. Агрессивную атаку властей на православие поддерживали консервативные католические круги. Особенно ярко это проявилось в борьбе за храмы. По инициативе ксендзов в 1930 г. были возбуждены дела о ревендикции 500 православных храмов. 300 из них перешли к католикам. Многие богослужебные здания захватывались католиками самовольно, а государственные органы никак не реагировали на факты грубого нарушения законодательства. Отобрание православных храмов не носило характера государственной необходимости. «Многие из них не использовались по прямому назначению или обслуживали незначительное количество прихожан, в то время как православные были лишены возможности удовлетворения своих религиозных чувств» [4, с. 375]. Однако даже такие условия для удовлетворения своих религиозных потребностей были гораздо приемлемей, чем в СССР.

Трудно было предположить, что присоединение новых территорий к основной части советского государства пройдет без неизбежного в таких

случаях этапа притирки сторон друг к другу. Население было наслышано об отношении большевиков к религии в СССР. Высшее политическое руководство, ответственные антирелигиозники стояли перед выбором модели антирелигиозной работы в западных регионах. В Западной Беларуси к февралю 1941 г. власти сумели посчитать количество богослужебных помещений основных конфессий: 446 костелов, 540 церквей, 387 синагог, 14 монастырей. В них служили 617 ксендзов, 606 «попов», 293 равина [5, л. 24].

Организация атеистического перевоспитания населения в подобных условиях представлялась весьма проблематичной. Необходимо было задействовать все силы и средства, а главное, не вызвать ненужной напряженности в обществе, еще совсем далеком от социалистических идеалов. Примерная схема действий уже имелась на вооружении. В целом в процесс материалистического воспитания должны были активно включаться все структуры, начиная от партийных и комсомольских и заканчивая общественными организациями и учебными заведениями. Стоит отметить, что первоначально стояла задача сформировать здесь партийный и комсомольский актив, не вдаваясь в подробности отношения к Богу активистов и членов их семей. Даже самый ярый антирелигиозник – председатель центрального совета СВБ СССР, «рационализатор» безбожия Ем. Ярославский, не предпринимал на территории воссоединенных областей сколь-нибудь активных действий и всячески откладывал создание там ячеек СВБ: «И, тем не менее, мы против того, чтобы организовать в Западной Украине и Западной Белоруссии ячейки Союза Воинствующих безбожников. Это вовсе не значит, что мы отказываемся от борьбы против реакционного влияния религии, против религиозных предрассудков, против реакционной деятельности духовенства. Ни в коей мере мы от этой борьбы не отказываемся. Но мы считаем, что основной формой борьбы против реакционного влияния религии и религиозных организаций должна быть систематическая, планомерная, всесторонняя политико-просветительная работа, для которой нет необходимости сейчас организовать ячейки Союза Воинствующих безбожников в областях Западной Украины и Западной Белоруссии» [5, л. 20]. Старый безбожник понимал, что перспектив у его организации в регионе не много, хотя, конечно, именно прогосударственный Союз воинствующих безбожников должен был стать в авангарде всей антирелигиозной работы.

10 февраля 1941 г. Бюро ЦК КП(б)Б при рассмотрении вопроса о состоянии антирелигиозной работы в западных областях БССР поддержит подобную просветительскую линию. В принятом решении ЦК КП(б) Б обязал обкомы, горкомы и райкомы партии западных областей

организовать среди населения повседневную систематическую антирелигиозную пропаганду и агитацию. ЦК КП(б)Б отметил, что «основной формой антирелигиозной пропаганды и агитации в западных областях должно быть систематическое чтение лекций и докладов на антирелигиозные темы, построенных на естественнонаучном материале, на разъяснении советского законодательства о религии и церкви и партийной программы по вопросу об отношении к религии. К чтению лекций в западных областях привлекаются высококвалифицированные научные работники Академии Наук БССР, Белорусского Государственного Университета и институтов. ЦК КП(б)Б обязал установить постоянный контроль за качеством лекций» [5 л. 4].

Организовать на практике информационно-пропагандистскую работу на местах оказалось весьма проблематично, а то и просто невозможно. Это показывает ситуация в Слонимском районе Барановичской области. В первую очередь это касается обеспечения работы тех, кто непосредственно должен был распространять материалистическое мировоззрение. Руководство Слонимского района в 1940–1941 гг. не смогло организовать работу создаваемых для подобной деятельности агитколлективов. Даже райком партии из руководящего состава выдвинул туда только одного сотрудника. Следует отметить, что и в СССР в целом партийные и комсомольские функционеры не стремились участвовать в антирелигиозной работе. Руководство района не располагало материальной базой для содержания штата пропагандистов. С этой целью с сельских советов данная функция передавалась на колхозы как в определенной степени платежеспособные организации. Колхозы же охватывали лишь около половины населения, а в некоторых из 14 сельских советов и вовсе колхозов не было. Создание подобных групп зачастую проходило формально: «Из данных по 12 агитколлективам села, в них числится 227 агитаторов, большинство с низшим образованием и даже 2 агитаторов не грамотных» [6, л. 282]. Сложно было убедить кого-то другого, что Бога нет, если и сам агитатор в этом фактически не разобрался. Зачастую агитаторы искажали суть антирелигиозной политики партии, а то и просто компрометировали. Так, «руководитель агитколлектива колхоза «Большевик» заведующий отдела кадров райисполкома комсомолец товарищ Эпштейн, который в пьяном виде приехал в деревню Селявичи, населенную польским населением, где очень сильно влияние костела. Там шло собрание крестьян по вопросу организации колхоза. Явившись на собрание, Эпштейн начал кричать, – что за собрание! Еще рано организовывать колхозы, разойдись» [6, л. 280].

Еще одним пунктом пропагандистской работы должны были стать избы-читальни, которых в том же Слонимском районе в сельской

местности было 6, одна из них находилась в деревне Жировичи, напротив монастыря. Эта изба-читальня должна была стать знаковым местом для организации антирелигиозной работы. Монастырь посещало большое количество верующих, как местных, так и паломников. Оборудованное помещение на 150–200 посадочных мест проработало непродолжительное время благодаря стараниям жены прикомандированного военного с восточных областей. После ее отъезда райком партии упустил данный агитпункт из виду, и он оказался в полном запустении. Между тем, Жировичи находились всего в 10 километрах от Слонима. «После отъезда помещение оставили на попечение сторожихи, но так как ей жалование не платили, она перестала сторожить и имущество растащили до ниточки» [6, л. 6]. У сельсовета не было денег на ремонт и имеющиеся у председателя 1000 книг никак не использовались.

Даже в самом Слониме ощущался дефицит необходимой для молодежи литературы. Если помещения библиотек были переполнены, специализированные пропагандистские пункты использовались слабо. Не показывали пример и ответственные работники. Имеющийся партийный кабинет ими посещался слабо. Подбор книг в библиотеку парткабинета проводился без учета всякой потребности. «Краткий курс истории партии на белорусском языке – имеются более 500 экземпляров, лежат в шкафу без движения. Стенографический отчет XVIII съезда – 90 экз. Женщина страны социализма – 36 экз. и многие другие книги в огромных количествах экземпляров. В тоже время нет самых необходимых книг» – указывал инструктор ЦС СВБ БССР Бурштейн [6, л. 12]. В отчете о проверке Слонимского райкома партии инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б тов. Козлов указывал в июне 1941 г., что «вопросами антирелигиозной пропаганды райком начал заниматься недавно, хотя ни одного вопроса на бюро РК КП(б)Б не обсуждал» [6, л. 284]. Проверяющий пришел к выводу, что по своему количественному потенциалу (180 коммунистов и служащие воинской части) райком способен решать поставленные партией задачи при условии тщательного подбора кадров для политпросветработы и активного участия в том самого руководства района. Бюро Вилейского обкома КП(б)Б 24 мая 1941 г. констатировало: «Бюро Обкома КП(б)Б отмечает, что Миорский и Радошковичский РК КП(б)Б безответственно отнеслись к выполнению решений ЦК и Обкома КП(б)Б о постановке антирелигиозной пропаганды в западных областях БССР, политически недооценили важности этой работы, и, по существу, не руководили этим важнейшим участком партийной работы, в результате партийные организации этих районов не ведут повседневной систематической антирелигиозной пропаганды и агитации, не разоблачают враждебную деятельность церковников,

сектантов, их приемы и методы работы [7, л. 246].

Высшее партийное руководство констатировало, что на местах не стремятся организовывать широкую антирелигиозную пропаганду и в силу опасения негативной реакции населения [8, л. 41]. К объективным причинам низкого уровня организации антирелигиозной работы необходимо отнести недостаточное количество желающих порвать со своими традициями, религиозным и политическим мировоззрением, особенно это касалось такого важного направления атеистического фронта как работа с учащейся молодежью. Учителя школ в большинстве своем были религиозны, многие из них не скрывали этого, как, например, учитель дер. Хадевичи Томильчик, заявивший: «Никто меня не убедил, что Бога нет и вы меня не убедите, в этом духе я буду воспитывать детей» [5, л. 7]. Учителя, посещавшие церкви, костелы, синагоги не могли нести атеистическое мировоззрение. В то же время отход населения от церкви, нежелание выполнять обряды, содержать священнослужителя также имели место [5, л. 54–55].

Таким образом, в Западной Беларуси за период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. было положено только начало в процесс формирования государственной антирелигиозной системы. Опыт восточных регионов показал, что даже более чем двадцатилетний период активной антирелигиозной пропаганды не принес успеха. Только меры жесткого силового давления оказались эффективными в борьбе с открытой демонстрацией своего отношения к вопросам веры. В западном регионе подобные методы в 1939–1941 гг. не могли быть применены.

Список источников и литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 10990.
2. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11852.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 107.
4. Янушевич, И. И. Православная церковь в Беларуси в межвоенный период (1921–1939 гг.) / И. И. Янушевич // Научные труды Республиканского института высшей школы: исторические и психолого-педагогические науки / Республиканский институт высшей школы, под. ред. М. И. Демчука [и др.]. – Минск: РИВШ, 2012. – С. 371–377.
5. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 18365.
6. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 15512
7. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 16737.
8. НА РБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 16882.